

Павел Слатвинский

На "Собачью злость" Б.Полякова

Я хвост поджал и вою на Луну.
Судьба, дай кость мне, ну хотя б одну!
И вдруг из-за угла - свершилось чудо!
Идёт Борис, несёт пельменей блюдо!

И на 180 жизнь повернулась,
И радость сразу же в хвосте моём проснулась,
Мне по "гав-гав" теперь любой судьбы каприз,
Служивый буду я, придворный! Мне Борис

На конуру большую выдал ордер
И даже обещал за службу орден!
Ведётся издревле, собачья жизнь - калека,
Когда в ней нет участия человека.

Я вам не открою большого секрета –
Поэты ужасно не любят поэтов...
О.Гальченко

Себя никогда не считала поэтом,
Но брани сполна получала при этом.
В упрёках топили, насмешками били –
Меня стихотворцы, увы, не любили!

А я лишь улыбку и грусть сочетаю,
Поэтов люблю и стихи их читаю.
Пускай обвиняют, сживают со света,
Не станет меня – заскучают поэты...

17.09.10

Тираж - @#%&\$%^*&^*()((
Отпечатано в)_&_&%^&^#
Редактор - +)_)*&%%\$

Адрес редакции: %)&()))*&%%\$

Переводы, посылки и бандероли слать по адресу:

680043, г.Хабаровск-43, ул.Интернациональная, д.1, кв.26, Полякову

Борису Борисовичу e-mail: pborisboris@mail.ru

Редакция ни за что ответственности не несёт и вообще никому ничего не должна! Архив газет: <http://www.vzglyadik.ru/samizdat/>

Был лужей, - мою душу пили
птицы.

В.Тищенко

Я лужей был прозрачною, и птицы
К моей душе слетались, чтоб

напиться.

Порой в меня заглядывала кошка,
Совала нос, чтоб полакать немножко.

Соседский мальчик, маленький,
но важный,

В меня кораблик опускал
бумажный.

Но следом шли какие-то

придурки –

Плевать мне в душу и
бросать окурки...

18.09.10

Пересмешник

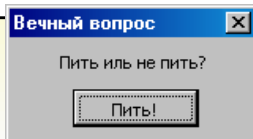
Тем долговечней дружеский союз,
Чем менее близки координаты.

Б.Поляков

Друзей когда-то было - пруд пруди,
А нынче и по праздникам не вижу.
Далёкие друзья, как ни крути,
Верней и бескорыстней тех, что ближе.
Ведь если вдруг останусь на мели,
Не попрошу ни пищи, ни ночлега...
Хабаровск для меня - что край земли,
И это шанс. Давай дружить, коллега!

6.01.10

Продолжение следует?..

2010 г.

№ 18

Чернильница

Газета для друзей

За ночью всегда приходит день,
зарю вечернюю всегда сменяет заря
утренняя... Нужно только подождать!
Просто нужно надеяться и верить,
что хорошее возвращается! Не может
не возвращаться...

А "Чернильница" - это очень даже
хорошее! :) Во всяком случае, для
меня.

Ваш романтически настроенный
Вредатор

Стихи Демида Рабчевского, г.Мурманск

Тягучий вечер поэтичен
И свежий ветер знаменует,
Хотя, по сути, он привычен
Собой, день этот уходящий.

Дорог пустое одиночество –
Предмет для самоосознания,
И туч причудливое зодчество
Есть ключ для миропонимания.

И пыль ветвей цветущей вербы
Во тьме, и золотая крона
Подчеркивают тягость остро
Недавних красок дня урона.

И следствием всего - молчание,
Однако и оно наполнено.
Поскольку в тишине печаль
Звучит струной, надежды полной...

ЗАРЯ

На заре столь дивный воздух.
Он так ясен, свеж и светел.
Тонут в солнце вокруг березы,
Тонут в дымке жаркой лета.

Шум над городом несется,
Голоса гремят как трубы,
И черты в дали, где солнце
Все восходит – очень грубы.

Тень, отброшенная косо –
Контур четок, словно голос:
То гремит, то умолкает
И смеется. Тонкий волос

Веток, проводов, антенны
Холодок прозрачный гулкий.
И идет сырое лето,
Заблудившись в переулке...

Нынешний “Ларец” не совсем обычен, поскольку взоры его направлены на издание официальное, более того, живущее поныне. “Петрозаводский университет” примечателен тем, что на его страницах существовала газета в газете – “Беспредел”, редактируемая Олегом Гальченко. В этом приложении царил самиздатовский дух, да и имена, представленные в нём – сплошь из нашей андеграундной среды. Увы, “Беспредел” канул в Лету... А мы ещё нет!

Сергей КОЛМЫКОВ

Пардон, у нас опять застолье
И дым в квартире колесом...
Живем, как прежде, в Лукоморье,
Поросшем мхом и тростником.
Что наша жизнь – абракадабра,
Белиберда, тартарарам...
Мы дышим пылью через жабры
И пишем некролог годам.

Пардон, болтаем не по теме.
Да что вы, все у нас тик-так.
Живем в крупнейшем гареме
Орангутангов и макак.
Что наши сны – безволие тела,
Нагромождение пластов.
Мы им внимаем неумело
До помутнения умов.

Пардон, не вышли, может, мастью –
Так то влияние планет...
И птицы, что зовется Счастье,
В округе нашей вовсе нет.
Что наша нега – до рассвета.
К пруду спуститься босиком,
Застолье в раж и без просвета,
И дым в квартире колесом.
2.03.2000 г.

Дмитрий МУРЗИН

Покрошите мелко беса –
Этот самый мелкий бес
Ухромает на протезе,
И свинья его не съест.

Потому как выдать беса –
Богу тоже запаadlo,
Потому как бег с протезом –
Это тоже ремесло.

– Отчего, моя принцесса,
Вы так сумрачны и злы?

– Просто я сгоняю беса
С одноразовой иглы...

Вадим ГОРДЫЙ

Пронесется сквозь белые перья
Самолета стального нить.
Я хочу во все лучшее верить,
Я хочу неустанно любить.
1983

озабоченно почесали затылки. Пётр взглянул на «Мерседес» и проронил:

- Всё-таки забусковал... Данкрат не поможет.

Василий с Иваном отвернулись.

Клим с Пётром о чём-то тихо посовещались. Егоров сел в машину и подъехал вплотную к упавшему дереву. Они дружно взяли «Оку» под передок и, втянув её на ствол, как качель перевалили на другую сторону. Затем, взявшись сзади, поднатужились, подпихнули и аккуратно поставили машину на землю.

- Ехаем отседова. - Мужики сели и укатили в зелёный туннель.

- Я пойду в деревню, - через час сказал Егор Иванов, - дорогу знаю, где сельхоз-машины стоят, знаю. Ждите.

Егор шагал по дороге и думал: «Я всё же заеду в село, найду свою первую учительницу Светлану Михайловну. А может и физрук жив? И на кладбище заеду, к бабушке». После принятия этого решения Иванову стало легче.

Справа у кромки леса Егор увидел огромный муравейник. Он подошёл и стал заворожено следить за работой крохотных тружеников: «Это надо же, как дружно живут и работают! Ведь эта куча для них, как пирамида Хеопса! А мы? А мы всё рушим и, как звери в лесу, жрём друг друга. Нам, властителям мира, надо учиться у муравьёв». Сделав такой вывод, Егор безнадежно взмахнул рукой и зашагал по дороге.

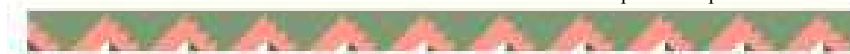
Сумрачный лес был наполнен вполне весёлыми гаммами: птицы, сверчки и кузнечики пели свои разноголосые песни.

Вдруг Егору послышался какой-то посторонний, похожий на рёв, звук. «Не хватает только медведя. - И тут Иванов увидел далеко впереди свет. - Не пойму, то ли голубое небо, то ли солнце? Свет в конце туннеля. Значит, не всё у нас потеряно. Это хорошо».

Минуты через три, сквозь стекло голубого тракторёнка «Беларусь», Егор с удивлением увидел улыбающиеся физиономии знатного хлебобоба Клим Егорова и передового тракториста Петра Васильева.

«Славяне...» - По телу прокатилась тёплая волна, и сердце забилося чаще. Егор Иванов тоже улыбнулся и протянул мужикам руку.

29 марта – 1 апреля 2010г

Борис Поляков

СОБАЧЬЯ ЗЛОСТЬ

Собачья злость не хуже человеческой,
Но если пёс голодный что-то гложет,
Не подходи!

Ужасные увечья
Он нанести непрощенному может.

В глазах его – звериное и злое,
Забыто слово рабское – «хозяин».
От голода не только пёс завоюет,
И Абель станет как жестокий Каин.

Вот если б ты голодному питомцу
Принёс еды, не ведая испуга,
То пёсий взгляд наполнился бы солнцем,
И пёс хвостом приветствовал бы друга.

Собачья злость не хуже, чем
людская,
Псы не должны, но могут быть
послушны.

Собак на злобу сами обрекаем
Тем, что и к людям злы и
равнодушны.
2010 г.

Все выпили и налегли на уху.

Василий ел вприкуску со свежим луком, и в нём росло раздражение: «Как так? Этот пахарь игнорирует виски, которое стоит три его нищенские зарплаты!»

«Что же это такое?» - уплетая сало с чесноком и быстро хмелея, думал Иван, - мы оставили в ресторане пять косарей, а жрём их деревенскую хавку. И рыба у них ловится». Он тоже начинал злиться.

Егор вспоминал, когда же он в последний раз ел сало? Он с отвращением смотрел на рассыпанных креветок, на нарезку из ветчины и ещё какую-то разноцветную еду. Рука опять потянулась за огурцом.

Василий налил в кружку виски и протянул Климу: - Пей!

- Я не хочу.

- Брезгуешь, гад? Ты пей! - поставил кружку перед Петром.

Иван, проявляя солидарность, открыл шпроты и подвинул к кружке.

- Да вы чё? Я из коробочек не ем! Скоко разов пробовал, стоко и бегал под кусты брызгал. Аллергия. Язык засыхает, кхыкаю и плакаю. Не буду!

- Всё, парни, перестаньте. Пойдёмте спать, утром в дорогу. - Егор начал беспокоиться.

- Нет, пусть скажет, почему у него рыба ловится? - Иван шмыгнул красным носом и угрожающе уставился на Петра.

- Так это... семечков с перловкой намял, вот и жрут они, рыбы-то. Ничё вы там в городе не знаете, селёдку на базаре ловите.

- Ну, я тебе сейчас, деревня чумазая! - Василий начал подниматься. Клим закрыл собой Петра. Но после выпитой горючки тот тоже завёлся:

- Давай, давай! Поглядию я, как у ты получится! Я, между прочим, зараз быка валю! И три раза в бане парюся, аж ухи свариваются! А кады снег капает, я и в снег занываю! А те слабо?

Вдруг резко подул ветер, оглушительно грянул гром, и почти над головой сверкнула молния. Со стороны леса послышался треск и всё сразу стихло. Наступила тишина.

- Енто неспроста. Небо на нас осерчалю. - Пётр перекрестился.

- Вот, блин, за это надо выпить. - Иван потянулся за термосом.

Пётр вздохнул:

- Климка, почапали отседова, нету у нас с ними ничё обчего...

- Как же так? - Клим растерянно посмотрел на рыбаков. - А фамилии, имена, земля...

- Пошли. - Пётр потянул за рукав, и они стали взбираться на берег.

Егор Иванов лежал на песке и смотрел в тёмное небо. В палатке в два голоса храпели Иван и Василий. Стало холодно. Егор увидел, как из шалаша выполз Клим. Он достал из машины почти метровую железную трубу-доймовку и с одного конца натянул на неё какой-то шланг, похожий на пылесосный. Егор, не понимая, с интересом наблюдал. Клим подкинул в огонь поленья потолще и положил трубу поперёк костра. Подтянулся, засунул конец шланга в шалаш и влез туда сам.

Егор встал и подошёл к костру. Через минуту труба раскалилась, и Егору показалось, что шланг зашевелился. Горячий воздух по шлангу со свистом стал подниматься вверх, прямо в шалаш. «Вот даёт, физик!»

Над рекой поплыл туман. Одежда отсырела. Пропали звёзды. Егор поёжился и влез в холодную палатку.

Иванов разбудил товарищей рано. Они погрузили снасти и двинулись в обратный путь. В лесу их ждала большая неприятность. Прямо поперёк дороги лежало огромное дерево. Молния срубила ствол под самый корень. Парни попробовали его сдвинуть, но сразу стало ясно: нужен трактор или лебёдка. Лебёдки не было, домкрата не было, трактора - тем более. Они простояли полчаса и ничего не придумали. От реки послышался звук мотора, показалась «Ока». Из неё вылезли два больших мужика и

СТИХИ

ИЗ КНИГИ

5 марта 2009 года:

Иван Земцов - Насекину, Гусеву, Шимановскому (по дороге в Италию):

Нам с Валентиной хорошо везде!
Мы с ней в столицу едем в поезде.
Там в белокаменной нас с нетерпением ждёт

Красивый сизокрылый самолёт.

Александр Насекин - Ивану Земцову:

А мы с Татьяной никуда не прёмся.
Пьём чай, едим орехи и смеёмся.
И если захотим, то можем полетать,
Забравшись в необъятную кровать...

Валерий Шимановский - Ивану Земцову:

Трепещи, Италия, словно осиновый лист!
К вам скоро приедет Иван-мэйлартист!

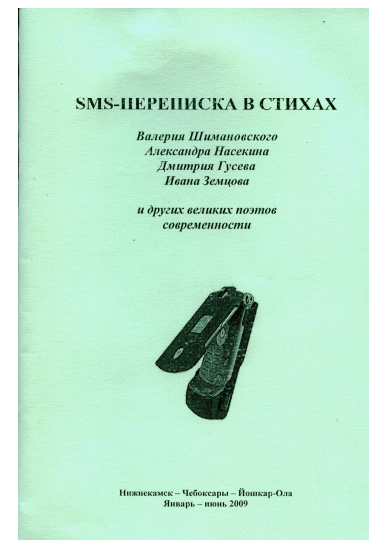
Иван Земцов - Насекину, Гусеву,
Шимановскому:

Душа томится в ожидании красоты
И хочет тайну разгадать Кота да Винчи.
Пред взором мысленным уже встают мосты
Флоренции во всём своём величии...

Александр Насекин - Ивану Земцову:

Летает Муза по полям,

SMS-ПЕРЕПИСКА В СТИХАХ
Нижекамск - Чебоксары - Йошкар-Ола,
январь-июнь 2009, тираж неизвестен

Московский поезд догоняя...
Иван на полочке лежит,
Стихи от скуки сочиняя.

И Кот да Винчи - лучший из
котов -
Мурлыкает ему свои сентенции.
А фермы у грохочущих мостов
Напоминают о мостах Флоренции...

Валерий Шимановский - Ивану
Земцову:

Обняв свою жену за талию,
Летит Иван Земцов в Италию.
Долой хандру и импотенцию -
Рванём все дружно во Флоренцию!

Иван Земцов - Александру Насекину
(засыпая на верхней полке):

Меня в вагоне малость укачало.
Валюша спит, и я смежаю очи.
Good night, my friends!

Ариведерчи! Чао!
Всем на горшок, и спать!
Спокойной ночи!

На мой взгляд, представленная работа Александра Белаши будет небезынтересна. Кто-то улыбнётся, узнавая аналогии, кто-то оскорбится (туда ему и дорога), а кто-то, может быть... на основе "Атолла" напишет докторскую диссертацию...))

/Павел Съ/*

АТОЛЛ

/представляется на соискание учёной степени кандидата литературно-биологических наук/

Вынужденный в силу производственных потребностей читать великое множество самиздатовских сборников, газет и газетюшек, я поражаюсь обилию поэтов, но вдруг, с трудом прожёвывая их продукцию, я обнаружил, что у этого бреда есть чёткая система. Конечно, если подходить с человеческой меркой, то кажется, что селая смесь разных авторов скучна, занудна, без конца повторяется и есть ни что иное, как зарифмованное нытьё - но это ошибочное мнение, потому что к ним нельзя применять требования, предъявляемые к людям.

Анализируя их творчество, Я СДЕЛАЛ ВЕЛИКОЕ БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ: молодые поэты есть новый, неизвестный науке вид - вид разумных полипов.

Именно к такому выводу я пришёл, изучив ментальный мир авторов, а также те скудные данные из физиологии и биологии, которые они сообщают о себе.

Посудите сами - у них нет ни отца, ни матери, ни малейшего упоминания о семье и близких - иначе и быть не может, ведь размножаются молодые поэты почкованием, как и полагаются полипам. Они гермафродиты, они предпочитают англоязыкие псевдонимы, по которым невозможно определить пол говорящего. Но даже если вы определили род псевдонима, не спешите с выводами относительно половой принадлежности автора: во-первых, в большом ходу псевдонимы среднего рода, во-вторых - кто вам сказал, что род псевдонима должен совпадать с биологическим полом? - как раз наоборот, никоим образом не должен! Только единичные авторы причисляют себя более к женскому или более к мужскому полу. Поскольку сами поэты не могут определить свой пол, стихи их носят абсолютно бесполой характер. Кто к кому обращается - понять совершенно невозможно. Вроде бы только что речь шла о парне, так нет, вдруг появляется девушка...

Парни-полипы пассивны и пишут женские стихи, а девушки сочиняют агрессивные воззвания, но для полипов в этом нет ничего удивительного.

Они не заняты ни учёбой, ни работой, вообще ничем - да и какие могут быть занятия у беспозвоночных и кишечнополостных существ?

В их стихах нет ни дня, ни солнца - ведь днём полипы спят, а бодрствуют ночью.

Живут полипы в узком, тесном, ограниченном пространстве бетонных капсул своего наружного скелета. Обстановка очень бедна: кровать, трюмо с оплывшей свечой - полипы боятся яркого света. Они никуда не выходят, лишь иногда, в сумерках осмеливаются выглянуть в форточку или высунуться из подъезда - дальше у них смелости не хватает, и вообще разумные полипы страдают жуткой агорафобией - боязнью открытого пространства, так что за дверь их никакими коврижками не выманишь - поэтому становится понятным, почему в их стихах не встретишь точного описания природы. Нет ни рассветов, ни закатов, ни пробуждения деревьев, ни цветения лугов - ничего этого полипы не знают и знать не могут, ведь выглядывая из форточки, всего этого узнать невозможно.

*Статью нарыл в интернете Павел Слатвинский

А Егору тоже было неловко. Пока он перекладывал из руки в руку снасти и никак не мог привести их в готовность, Клим вытянул трёх карасей и сомика.

- Ты кем трудишься, Клим? - наконец решился Иванов. - Семья большая?

- В хлебах тужусь. Два парня и девка, взрослые уже, в городе, студенты. А как у вас с Антониной?

- Знаешь, Клим, прожили мы с Тоськой полгода, и она сбежала с молодым капитаном к Чёрному морю. Вот так. Живу с женой и дочерью, - и соврал: - работаю бухгалтером.

- Заметно... Ладно, надо дров собрать, ночью холодно. Петька, айда за дровами!

- Ну, братцы, вы тут слушайте как следует! Как колоколец забрякает - тяните!

А я за дровишками. - Пётр поспешил за Климом.

Они взобрались на берег. Пётр забегал вокруг «Мерседеса».

- Гля, какой гладкий! Его, слышь, поди мильтоны штрафовать бояться! Вот это трактор! Скоко ж в нём силос конячых-то? Ну и креслы - как у царя! Гляди-кася, и граммофон прям в машине! Клёвый! И в разетку втыкивать не надоть, сам музыки поёт! - Пётр нехотя оторвался от машины, побежал за Климом, снова обернулся и восхищённо подытожил: - Такой не забускует!

Егор подошёл к Василию и Ивану. Друзья, изрядно подзаправившись, лежали на песке животами вверх. Они устали глядеть на неподвижные поплавки и теперь просто наслаждались отдыхом.

- Скажи, Егор, почему у этих крестьян рыба клюёт, а у нас нет? Чем моя удочка хуже его? Вот, блин! - Иван вытряхнул содержимое Петрова рюкзака на песок. - Что это за дерьмо он на крючок наживляет?

- Собери, Иван. Спросишь у него сам. Темнеет. Пойдем, поставим палатку и приготовим ужин. Пьёте, барбосы, не закусывая...

Клим и Пётр принесли из леса две толстые берёзовые сухостоины и насобирали по берегу приличную кучу высохшего топляка. Их соседи закончили ставить на косе большую синюю палатку и включили в ней фонарь. Рядом решили разжечь привезённый с собой уголь, но он разгорался нехотя.

Клим запалил костёр прямо на косе под берегом. Шалаш оказался в метре над костром. Пётр принёс котелок, ловко приспособил его над огнём и быстро почистил рыбу. Забулькала уха.

- Ну чё, славяне, давай сюды, к нашему столу!

Василий посмотрел на разложенную в палатке клеёнку с ресторанными деликатесами, затем презрительно взглянул на котелок с ухой. Егор с Иваном переглянулись и приготовились было сесть. Но ветер... Ветер от котелка дул в их сторону. Василий решительно скомандовал: - Давай, - и ухватился за углы клеёнки. Егор подхватил с другой стороны, и они понесли своё добро к соседскому костру, который и светил ярче и грел жарче.

Клим Егоров с недоверием посмотрел на то, что они принесли, развязал свой рюкзак со снедью и стал осторожно извлекать на свет сначала варенные яйца, потом пучки зелёного лука и чеснока, а затем и шмат сала.

- У нас каждый молодец имеет крепкий огурец! - и Пётр Васильев достал банку с солёными огурцами. - А уха без стопки, как жена без попки! - и появился термос. Видя, что все смотрят на термос, Пётр пояснил: «Маскировка».

Василий взялся за бутылку с виски.

- Не, не! Выпьем моё горячее. - Пётр плеснул в солдатскую кружку. - Держи.

Клим подвинул котелок с ухой, Иван протянул ложку. Василий выпил.

- Ну? Дыхать есь чем?

Василий ответить не смог. Дыхание перехватило.

- Нюхни как следоват! - Пётр сунул в руку Василия огурец. - Вот так! А ты говоришь, виски. Моя горячка семьдесят конячих сил! Аж дым из рта идёт!

Выехали к реке. Среди высокой травы «Оку» они заметили не сразу.

- О! Васька, не твой ли сынишка машинку потерял? - захохотал Иван.

Друзья вышли из машины. Здесь же, на берегу, над косой, был сооружён небольшой, укрытый папоротником и лопухами шалаш.

Сверху коса представляла собой золотой полумесяц. Малиновка - река не широкая, метров пятнадцати, с неторопливым течением. Внизу сосредоточенно копошились два мужика.

- Эй, братцы, к вам можно? - рыбаки спрыгнули с берега на жёлтый песок.

- А чё не можно, место не куплено!

Вблизи мужики оказались двумя героями картины «Три Богатыря». Большие и бородатые.

У кромки воды из песка торчали две рогатки, с них свисали и исчезали в тёмной воде жёлтые лески. На лесках - старенькие колокольчики. Тут же, воткнутые в песок, два свежесрубленных ивовых удилица. На воде покачивались поплавки из пробок от винных бутылок.

Василий скептически усмехнулся и с уважением взглянул на свою лёгкую телескопическую удочку: «Шестиметровка. Вся рыба моя...»

- Ну чё, славяне, поздравкаемся, чё ли, ознакомимся! - Пётр шагнул вперёд.

Пятеро мужчин встали кружком. Двое в стареньких ватниках и в протопавших не одну сотню километров кирзухах. Другие в добротных охотничьих костюмах. Вот и всё отличие. Мужики как мужики. Над рекой в безветренном воздухе эхом поплыли слова:

- Пётр Васильев... Иван Петров... Егор Иванов... Клим Егоров... Василий Климов...

В тишине плеснулась рыба. Звякнул колокольчик.

- Клим Егоров? - Егор взглянул на Клим, - Вот так встреча! А я тебя в бороде не узнал!

- Вот, блин! За это надо выпить. - Василий пошёл за бутылкой.

Клим Егора тоже не узнал. Прошло более двадцати лет с тех пор, когда они рыбалили на этой косе, воровали в совхозном саду груши, бились насмерть из-за вертихвостки Тоськи. Но перед армией, на зависть Егору, она всю целовалась в сеновале с Климом. Егор вернулся из армии раньше на полгода, уехал в город, прихватив его девицу с собой.

- Раскупоривай, славяне, авоськи, щас клювать начнёт! - Пётр метнулся к закидушке.

Все засуетились. Стали доставать баночки, коробочки, мешочки.

- Иди ко мне, любимая, иди ко мне, хорошая. - Глаза у Петра загорелись, как два светлячка. Леска пошла в натяг, у берега неожиданно ослабла и - вот она, красавица щука, оказалась на берегу. «По шучьему велению, по моему хотению, чего Петро хочишь?» - опять запел рыбак.

- Ух ты! На первую рыбу надо побрызгать. - Иван достал бутылку и налил.

Пётр выпил, сморщился и выпучил глаза:

- Ты чем меня отравил?

- Виски.

- Виски, блин, из писки! Ладно, как вот сядем вечером, угостю своим ромом. Настоящий напиток богов. Эть! Опять клювает! - И у Петра выгнулся ивовый прут. - Ща я тебя! Ходи сюды! Опля! Гля, Вась, карась!

Василий и Иван с трудом скрывали раздражение. Рыба у них почему-то не клева. Фирменные поплавки лениво покачивались на воде. Мужики то и дело звякали рюмками.

Через час в садке у Петра рыбе стало тесно.

У Клим с Егором разговор не клеился. Климу без слов было ясно, что Егор теперь человек не бедный. Он взглянул на берег и пожалел, что не загнал «Оку» в шалаш. Чёрный «Мерседес» возвышался над ней, как коршун над воробьём.

Полипы живут в толще воды, где температура стабилизирована, а волнение не ощущается - так что бурь и гроз они тоже не ведают, а о смене сезона догадываются только по косвенным признакам. Органы чувств у разумных полипов представлены осязанием и зрением. Глазки у них развиты слабо, но день от ночи отличают, а также видят близлежащие предметы. Особенностью их зрения является фрагментарность - это ещё обусловлено уровнем развития мозга - так что замечают они лишь вещи движущиеся или летящие, подобно земноводным - качающиеся деревья, падающие звёзды и дождь, летящие снежинки и листья, поезда. Луну и солнце они, как ни странно, не видят и гимнов этим могучим светилам не поют. Это объясняется тем, что полипы не выносят света, да и траектория движения луны и солнца постоянны и проходят вне досягаемости окон, через которые полипы созерцают мир.

Дышат полипы кислородом, растворённым в воздухе, а питаются, выставив щупальца в форточку и захватывая ими всё, что падает сверху - капли дождя, кленовые листья; по крайней мере ничего более съедобного в их стихах я не встречал. Попадаются иногда и совершенно неудобоуваримые звери - лунные кошки, солнечные зайчики, а ещё пачки писем - всё это полипы складывают под подушку, ибо, как раки, они обладают страстью коллекционировать ненужные вещи.

Нервная система у разумных полипов развита достаточно сильно по сравнению с голотуриями, но тем не менее на любое раздражение полипы реагируют весьма примитивно - съёживанием. Поэтому сильные потрясения, волнения, чувства полипам недоступны. Они постоянно ноют, страдают от сущих пустяков и упиваются своими выдуманными бедами. Любовь у них всегда несчастная; это чувство ещё над горизонтом не всходило, а полипы уже льют слёзы горя и страдания; любви страстной, горячей, всеобъемлющей у них в принципе быть не может, потому что (не будем забывать) полипы - гермафродиты, размножаются почкованием, избегают чрезмерных волнений и касаний, а по-настоящему любят только себя.

Поскольку полипы являются разумными, иногда они принимаются философствовать, исходя в своих умозаключениях только из собственных страхов, порождённых одиночеством и чрезмерной чувствительностью в сочетании с близорукостью.

Основных тем для мудрствования три:

1) как плохо, тяжело, невыносимо жить на свете;

2) является ли он (полип) собой или он сам себе только кажется, а на самом деле он - сон, бред, мираж, призрак и галлюцинация;

3) переживания по поводу того, что он (полип) смертен, что он ничтожен и растает, как пыль и дым, в вечности.

Сложив все три темы вместе, мы получим полную бессмыслицу, но как раз отсутствие логики молодых поэтов никогда не смущает, они горды своей чувью. Всё дело в том, что появление логики - это следующий этап эволюции; полипы до него ещё не доросли. Иногда полипы доходят до отчаяния в своих бессвязных построениях, и задумываются над тем, как бы положить всему предел, но покончить жизнь самоубийством, обкусав себе все щупальца (как это делают осьминоги), полипы не решаются, а просто долго и бесплодно творят на эту тему.

Всё это происходит от страшного одиночества, которым страдают все полипы. Не решаясь выйти за дверь, заперев самих себя в бетонной ячейке спальни, думая только о себе и своих прошлых и грядущих бедах, глядя в окно, устраняясь от всеволнений, молодые поэты жутко несчастны, как и все эгоисты.

Именно поэтому они собираются в большие колонии, где каждый сидит в своей клетке, но все вместе они представляют явление, слой. Они защищаются, выкидывая стрекательные щупальца, и, реагируя одновременно, легко справляются даже с сильным противником. Они проявляют агрессию по отношению друг к другу путём вытеснения и, постоянно выделяя производные гормонов и мозговые токсины, способствуют тому, чтобы колония процветала, а чужие туда не совались. В общем, создают

уникальный, неповторимый поэтический мир - атолл. Лежит он себе в выдуманном море, на мелкотемье, в форме бублика с дыркой посредине, символизируя собой полный ноль.

Одно время, изнывая от засилья невероятного количества бездарей и тупарей с их виришами, лишёнными логики и чувств, я призывал на их головы Аполлона-шкуродёра, а теперь, умудрённый жизненным опытом, говорю: НЕ ТРОНЬТЕ РАЗУМНЫХ ПОЛИПОВ! Они, прессуя свои скелеты, являются тем базисом, на который будет нанесена плодородная почва. Ведь, как ни крути, ни поэта всех времён и народов Пушкина, ни махину Толстого простой народ не читает.

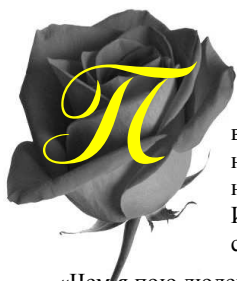
Простой народ читает Бешеного, Душителя и Потрошителя, а великих классиков читают именно они - разумные полипы, дабы развеять скуку и удивить приятелей. Атолл является тем субстратом для всей прибрежной жизни и питательной средой, на которой вырастают удивительные, яркие, крупные личности. Не будь атолла, они не смогли бы появиться и жить, а так они медленно фланируют среди полипов, поражая своей красотой и оригинальностью.

Раз полипы появились и живут в таком количестве - значит, они нужны. В природе нет ничего лишнего. Кто знает - не случится ли при уничтожении полипов экологического бедствия, когда вместо тихих эгоистов опустевшую нишу заполняют какие-нибудь жуткие агрессивные паразиты, от которых вообще не будет никакого спасения - что не раз и случалось.

Так что, если вы хотите увидеть слабую флуоресценцию разумных полипов и услышать их невнятное бормотание - смело можете прощаться с белым светом и здравым смыслом и нырять в ближайшую литературную тусовку.

Атолл ждёт вас!

(с) Александр Белаш (Ночной Ветер), г.Пенза, 1997 год.

Валерий Тищенко,
Зимовники

СЛАВЯНЕ

Егор Иванов простыл, зачихал, засопливил. Во всём винюват кондиционер в банковском офисе. В его голове, будто наполненной чугуном, возникали мысли: «Что я здесь делаю? Помощников у меня что ли нет? Надо срочно выбираться на природу. Или вообще рвануть в родную Малиновку, на любимую в детстве речную косу... Всё, звоню Климову!»

«Чем я пою людей? – сокрушался директор вино-водочного завода «На здоровье» Василий Климов. - Ну и нервная же у меня работа!» Он проглотил остатки коньяка и решил: «Надо позвонить Петрову, плюнуть на всё и махнуть на реку, к чистой воде...»

Иван Петров приехал на одну из своих заправочных станций. Он вышел из машины, сморщил большой, как модифицированная картофелина нос и шумно втянул в лёгкие тяжёлый бензиновый смрад: «Ё-моё! Чем я дышу? Надо позвонить Иванову и – на свежий воздух!..»

Над берёзовой рощей взошло солнце. Оно одарило весенним теплом хлебные пашни, позолотило реку Малиновку и заглянуло в окна добротных сельских домов.

Житель села Малиновка Клим Егоров захотел на рыбалку. Ещё с вечера его достала своим ворчаньем баба. «И чё дуре надо? Картоха в земле, животина накорм-

лена, забор починил. А у берега вода журчит, птички поют. Ну а рыбы, как известно, молчат...»

Егоров завёл «Оку» и, проявляя незаурядное мастерство, преодолел все лужи на пути к дому Петра Васильева.

Передовой тракторист местной сельхозартели «Хлебные зори» гнал самогон.

- Здорово, Климка, посидим в обнимку! Садись здесь на тубаретку. Вот, заряжаю новый баллон. А ты пока в холодильнике чё возьми, разрежь сыру, сало жуи! Да не держи в распахнутой двери, отморозишь-то мороз в холодильнике!

- Слышь, Петро, мож на рыбалку? Сил нет дома сидеть...

- Рыбалка - это дело! Но горючку тоже надо, как без горючки-то?! Вишь, всё кипит, как дым из трактора дымить! Тока тиха утекём, а то моя опять закудахтит: «Не пустую!»

Из распахнутого окна потянуло свежим запахом цветущих яблонь, послышался смех соседки Глашки. Клим засуетился:

- Ну, я, Петро, пока поить да снасти соберу. Ты тож, это, долго не чухайся...

- А чё мне, штанов-рубашек не гладить, собираюсь и прощай, Маруся...

Через два часа «Ока» пофыркивала на просёлочной дороге. Сначала между полями на косогор, а там и лесом. Сразу стало прохладней. Деревья так близко подступали к узкой лесной дороге, что казалось, будто машина едет в длинном зелёном туннеле. Лес кончился неожиданно, и машина выскочила на луг светло-зелёной весенней травы. Дорожка потянулась прямо над берегом реки Малиновка. Скоро у излучины друзья увидели свою любимую песчаную косу.

- Привет, коса, девичья краса! - запел Пётр.

Клим заглушил мотор, друзья вылезли из машины и достали рюкзаки. Они спрыгнули с небольшой кручи на мягкую косу и стали готовиться к большой рыбалке.

Иванов, Петров и Климов собирались недолго. Три импортных удочки, наживка из фирменного магазина, палатка, пара мешков угля вместо дров. В рюкзаке еда из ресторана и выпивка. Всё легко уместилось в просторном «Мерседесе».

Егор повеселел, перестала болеть голова. Он, сидя за рулём, даже подпевал магнитофону: «Ля-ля-ля Прасковья из Подмосковья...» Иван с Василием на заднем сидении резались в карты и хохотали.

- С чего начинается Родина?.. Слышь, Егор, ты хоть дорогу помнишь? Сколь лет прошло?

- Да уж лет двадцать с лишком будет, как перебрались в город. Но, думаю, найду. Память, как говорится, детства...

Сто километров по трассе преодолели легко, потом пропылили ещё двадцать по грунтовке и въехали в село. Егору показалось, что он из этих мест и не уезжал. Все дома на местах, два магазина те же. Клуб, правда, новый. Взглянуть на дом, в котором жили, почему-то не захотелось, и он не стал сворачивать на окраину. «Интересно, а Клим Егоров не уехал? Ладно, может на обратном...»

Дорога к реке изменилась. Раньше вдоль дороги росли грибные леса, теперь голые пашни. У Егора стало беспокойно на душе: «Неужели до самой реки?» Он облегчённо вздохнул, когда, выехав на вершину косогора, увидел лес.

- О! Лес! За это надо выпить! - Климов откупорил бутылку с коньяком.

Егор остановил машину. С вершины их взором открылась вся его малая родина. Змейка дороги исчезла в лесу. «Ну, теперь точно не заблудимся. Река за лесом»

- Лепота... - Петров восхищённо огляделся и защёлкал фотоаппаратом.

Друзья звякнули рюмками:

- За Родину! Ура! - и через минуту уже катили с косогора к лесу.

Деревья аркой нависали над дорогой. Лес был сказочным и таинственным. От необычного лесного тоннеля все потеряли дар речи.

- Ну, ваше... - выдохнул Иван и снова включил фотоаппарат.